

Автор представлен членом Художественного совета **Петрой Калугиной**

рак сердца

вероятность вины не мужчины, а знака
высока, как высок тот космический знак:
в беспристрастно холодном кругу зодиака
деловито мерцает серебряный рак.
вот и этот, земной, непредвиденно цепок,
аккурат ко второму свиданному дню
без досужих бесед и прогулок нелепых
в мое сердце вонзил не стрелу, а клешню.

день за днем – снегопад... оперившийся камень
в январе с нескрываемой лаской глядит.
но мужчина уныл, он герой му-рак-ами,
крутит радио и материт аппетит.
я сержусь, но иду по кривому маршруту
непременных утрат, беспросветной любви.
и заочно рыдает метель по кому-то,
и целует в висок затяжной оэрви.

что про завтра гадать? мир жесток и цикличен.
мне опять выпадает познать и сгореть.
оттого я люблю запах скрюченных спичек,
оттого я тиха и уступчива впредь.
вероятность вины... хуже нет околесиц.
в непонятное верю сильнее сто крат.
карту неба вспорол ятаган-полумесяц,
и опять - снегопад, снегопад, снегопад...

дорожное

в утробе железного змея,
свернувшись усталым зверьком,
я видела, как лиловеет
под вечер оконный проем.

как там, за стеклянным квадратом,
в осенней листве мельтеша,
сужается лента заката,
дрожит самолетик стрижа.

и в этой оранжевой дымке
кленово-рябиновых рош
мне грезились лица любимых,
пока не обрушилась ночь.

забыв про моря и Алушты,
Про долгий надрельсовый шум,
я вдруг осознала: неужто
я снова впервые дышу?..

***

фамильярничать с мартом – ходить с голой шеей,
и в диоптриях луж различать измененья
городской суеты, где бульвар хорошеет,
оголяя ограды чугунные звенья.

комкать робость иным настроеньям в угоду,
будто приторный лоск прошлогодней открытки.
с послезавтра объявлена новая мода –
целоваться с дождем, долго-долго, до нитки...

ставить росчерк улыбок на синих витринах,
где картины капелью – свежи и проточны.
и диковинной таксой, безмолвной и длинной,
выводить свою тень на короткой цепочке.

щупать носом пылицу золотой атмосферы,
отпуская свой чих в небо звонкою данью,
где заезженный диск светоструйной герберы
продолжает крутить граммофон мирозданья.

ноктюрн

...миновать кособокий мосток
и привычно нырнуть в переулок,
где душистых садов холодок
так приятен для пеших прогулок.
где воздушен, бредешь, и храним
невесомостью каждого шага.
и пиликает чем-то живым
оркестровая яма оврага...

***

ты куришь в темноте, на том краю кровати,
где гибкая постель оплавлена луной.
душистый мотылек – истерик, маразматик –
стучит махровым лбом в застенок слюдяной.
ты выточен в дыму - из ценного массива
невероятных дум, и грусти, и тепла.
калькируешь свой пульс на непроглядный ливень,
и линия плеча недвижимо бела.
и я боюсь дышать, и потревожить воздух –
твоих упрямых черт неясную среду.
так замирает маг пред гением, что создан
не в скуке, не в тоске, а в благостном бреду...
и от такой тиши, густой и слеповатой,
то дремля, то молясь в надлунных теремах,
молчит усталый бог, слепивший пару статуй
на краешке земли с любовью на паях.

***

рань. дождя пощечины. плащи...
сюр столичных улиц узнаваем.
тканей и людей густые щи
налиты в посудыны трамваев.

будто бы досматриваешь сон,
вытекший из прожитого века,
где тебя приветствует поклон
лишь фонарных получеловеков.

где немое небо подперев
грифельно-горчащей чернотой,
молчаливы чудища дерев,
умирают, как и должно, стоя.

и кляня трамвая долгий путь
в те места, где я не много значу,
я мечтаю город обмануть –
увезти себя на дачу-клячу.

там в пустой гостиной, у огня
зонт просушит мокрые ключицы,
и тоска, дождями семеня,
до меня навряд ли достучится.

приезжай и ты меня согреть
и изведать местного уюта.
здесь лучей таинственная медь
лишь двоим играет почему-то.